

ФИЛОЛОГИЯ

*Елена Викторовна КУПЧИК —
доцент кафедры русского языка
кандидат филологических наук*

УДК 821. 161. 1. 09 + 94(47157)

ИСТОРИЯ РОССИИ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦКОГО

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается отражение темы истории России с древнейших времен до наших дней в поэтических текстах А. Городницкого.

The author considers how the issues of early and modern Russian history were reflected in poems by A. Gorodetsky.

Историческая тема издавна являлась объектом интереса художников слова — от классиков (Пушкин, Карамзин, Толстой) до современников, среди которых особое место занимает А. М. Городницкий. Успешно реализующий себя как поэт (классик авторской песни, автор ряда поэтических сборников и книг мемуарной прозы, лауреат Государственной премии имени Б. Окуджавы) и ученый (океанолог, академик РАЕН, автор многочисленных научных работ), А. Городницкий, по мнению известного российского историка Н. Эйдельмана, проявил себя как «не дважды, а трижды профессионал. Он еще и тонкий, глубокий историк» [1; 6]. Целью данной статьи является общая характеристика темы истории России в произведениях А. Городницкого.

Поэтическая мысль А. Городницкого осваивает различные области исторических знаний (историю гражданскую, политическую, социальную, историю государства и права, религии, культуры, литературы, языка), рассматриваемые поэтом в рамках прежде всего истории России. «Исторические» стихи поэта занимают значительную часть его творческого пространства.

История России разворачивается у поэта в широких временных рамках — от донационального периода до гипотетического будущего страны. В стихах Городницкого отражено множество событий в жизни государства: присоединение Новгорода к Москве, мятежи Смуты, реформы Петра I, восстание декабристов, деятельность народовольцев и т. д. Особенно подробно прослеживает поэт XX век: Цусимское сражение, полеты Уточкина, судьбы «красных» и «белых», разрушение храмов, «тридцатых годов неуют», ГУЛАГ, пакт Молотова-Риббентропа, финская и Отечественная войны, «пора годов шестидесятых», распад СССР, Афганистан и Чечня, баррикады у Белого дома, гибель подлодки «Курск». В произведениях поэта выведены многочисленные образы людей, оставивших след в истории страны: Марфа Борецкая, Лжедмитрий, Петр I, Петр III, Николай I, Александр II, Ленин, Сталин и др. ;

многими десятками исчисляются имена деятелей литературы, культуры, искусства, без которых невозможно представить Россию в тот или иной исторический период. Поэзия Городницкого являет читателю широкую панораму российского общества разных эпох — от «ярославских мужиков» до «царей, вождей и генсеков».

Судьбы конкретных людей сплетаются у поэта с судьбами народа и государства, и это единство прослеживается на всем протяжении русской истории, в которую Городницкий, по выражению Л. Анненского, вглядывается, «как вглядываются с берегов в горизонт» [2; 8]. Отметим, что видимое «на горизонте» у поэта постоянно соплагается с происходящим «на берегу»: события многовековой давности и настоящего времени оказываются включенными в единый временной поток, проецируясь друг на друга. Для поэта представляется весьма важным проследить как истоки, так и последствия исторических событий, явлений, процессов.

Обращаясь к одной из важнейших, сквозных тем своего творчества — *инородчеству*, поэт обнаруживает истоки этого явления в самых отдаленных временах — «За сумрачным тем рубежом, Где гнали в полон печенеги Славянских медлительных жен, Где, в бога Перуна не веря, Укрывшая шкурами грудь, Мешалась с древлянами меря И с чудью немытая жмудь» («Несчастливы те, кто упорно...»). Г. В. Вернадский, говоря о протославянских племенах, отмечал, что каждое из них «имело различных соседей и таким образом подвергалось смешительному воздействию различных чужеродных этнических черт» [3; 23]. Для Городницкого весьма значима мысль о бесплодности попыток «ревнителей чистых генов» делить россиян, в происхождении которых «общего нету истока», на *своих* и *чужих*, реализованная в ряде текстов («Песня серых гномов», «Иноходец», «Несчастливы те, кто упорно...» и др.). В России издавна объединено европейское и азиатское. Российское государство являет собой подобие дворца Трезини, имеющего «Полдюжины окон на запад, полдюжины — на восток» («Дворец Трезини»). Полемически заостренной эта тема предстает в стихотворении «Чурки», написанном как обращение «нехристей и чучмеков» к «самозванным европейцам»: «Историческая неправда, Что избавила вас Непрядва, Через год Мамаеву брату Покорилась опять Москва... Презираемы и гонимы, От Кавказа вдали и Крыма. В вас самих мы живем незримо — Обернитесь на зеркала». В текстах Городницкого выведен ряд образов нерусских по крови людей, верно служивших России. В стихах на данную тему Русская земля предстает в масштабных образах почвы, в которой прорастают свои и чужие зерна, и океана, пополняющегося водами разных рек, например: «Зодчий Карл Иваныч Росси, Архитектор Монферран (вариант — И художник Левитан), Как ответят, если спросят, Кто вы были меж славян? Кто вы, пасынки России, Неродные имена, Что и кровь свою, и силы Отдавали ей сполна? Турки, немцы или греки? Из каких вы родом стран? Имена теряют реки, Образую океан» («Пасынки России»).

Другая сквозная тема творчества А. Городницкого — русский бунт, представленный поэтом, в соответствии с определением классика, бессмысленным и беспощадным. Народные волнения, которые «пахнут черноземом, Крестьянским потом, запахом вожжей», изображаются поэтом в качестве неотъемлемой составляющей русской истории: «это уже не бунт, а, так сказать, естественный порядок, круговорот энергии [4; 58]. В «Российском бунте» высказывается отношение автора к мятежам, как к вредоносным для страны и самого народа явлениям: «И гибнет государство... Хлеба пылают, рушатся стропила, Братоубийцу проклиная мать. Свести бы лишь под корень все, что было, — На то, что будет, трижды наплевать».

Говоря о бунтах, поэт заглядывает в глубь веков. «Плач Марфы-посадницы» отражает события конца XV века — утрату Новгородом независимости в результате походов Ивана III, упразднение вече, отмену посадничества и последующее присоединение Новгорода к Москве. Н. М. Карамзин дал в своей «Истории...» вполне нелицеприятную характеристику Марфы Борецкой: «Вопреки древним обыкновениям и

правилам славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая...предприяла решить судьбы отечества. Хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство» [5; 446]. Городничий же показывает трагедию женщины, насильственно разлучаемой с родным городом и оплакивающей его участь. «Прощай, новгородское вече. Умру среди дальних земель я. Тебе уготовано вечно Московского пира похмелье». В данном тексте нашел отражение реальный факт перевоза в Москву новгородского вечевого колокола, представленного в «Плаче...» голосом города: «Мой город, надломленный колос...Рассыплется медный твой голос На тихие слезы Валдая».

В стихах о бунтах важное место занимает Смутное время. Охвативший страну в начале XVII века глубокий общественный кризис, вовлекший в себя разные слои населения, предстает у поэта как трагедия государства и народа. Герои «Смутного времени» определяют себя следующим образом: «Гольгтьба и оборванцы, Наш заветный пробил час, — Все мы нынче самозванцы, разодетые в атлас. Все цари мы ненадолго, Свой ограбившие дом».

Тема самозванства, которая, по Городничьему, является вечно актуальной для России, поднимается в текстах разного времени. Из всех самозванцев России поэт особо выделяет фигуру Лжедмитрия (Григория Отрепьева, провозглашенного в Москве царем и затем убитого). В вышеупомянутом «Смутном времени» поэт описывает расправу над «царем» с указанием на ее причины: «Говорят, сегодня ляхи Разгулялись по Москве. Учиним мы им побудку — Встретим с кольями зарю, Плясовую всунем дудку В руку мертвому царю. Мы его ударом в спину повалили на крыльцо И напялили личину на разбитое лицо. Пусть над собственной кончиной посмеется государь. Мы его разоблачили: Он расстрига, как и встарь». Особенно важна для поэта посмертная участь самозванца — выстрел его пеплом из пушки. О данном событии упоминается в трех стихотворениях с одинаковым названием, включенных в разные сборники. Стихотворение «Самозванец» в «Береге» содержит итоги размышлений автора над явлением самозванства, которое, по Городничьему, есть «странная мечта, Приснившаяся некогда народу». Поэт приходит к выводу о постоянстве этой «мечты», о неизбежной повторяемости связанных с ее воплощением событий, о неистребимости самозванства: «Что проку пеплом пушку заряжать... Сегодня ты им выстрелишь на запад — Назавтра он воротится опять. Под Тушино хмельную двинет рать, Объявится с Болотниковым в Туле, Чугунным кляпом в орудийном дуле Застрянет, чтобы снова угрожать». В другом «Самозванце» (сб. «Острова в океане») мысль «любят самозванцев у нас на Руси» получает уточнение: любят не только привечать, но и казнить. Кроме того, восславление и низвержение закономерно и повторяемо: «Где же ты, желанный, с багряным мечом? Назовем Иваном, Петром наречем, Чтоб стоять над кручей слаженным полком, После — руки скручивать узким кушаком». Если в первом «Самозванце» мысль о вечности явления высказывается от лица автора, во втором — от лица народа, то в третьем (сб. «Ледяное стремя») — от лица Лжедмитрия, который сам себя определяет не только как конкретного человека, который желает, к примеру, «утех с полячкою», но и как вечно присутствующую в русской истории фигуру: «Даже пепел мой станет порохом. Во земле сырой не сопреть ему, За одним второй, быть и третьему».

В текстах Городничьего отражено и другое явление Смутного времени — церковный раскол, сопровождавшийся бунтами тех, кто, не признавая реформ патриарха Никона, готов был погибнуть, «два перста протянув из огня». В «Молитве Аввакума» мятежный протопоп, говоря о своих мучениях в ссылке («Плоть мою недуг точит, Грудь мою тоска давит, Нет уже в ногах мочи»), просит Господа сохранить его от соблазна поддаться льстивым речам. Аввакум и те, кто погибает «в мерзлой яме» или «в черном срубе», сохраняя душевную стойкость, переходят линию смерти: «Век наш на Земле прожит — Ино побредем дале». Такую же крепость

духа демонстрируют и участники «соловецкого сидения» (1668-1676 гг.). Песня «Соловки» написана от лица тех, кто уговаривает мятежных монахов Соловецкого монастыря не вставать в оппозицию к царю: «Государь у нас — помазанник Божий, Никогда он быть неправым не может». Царь Алексей Михайлович (Тишайший) не намерен миловать бунтовщиков: «Бою выучены царские люди, — Никому из вас пощады не будет». Частный, казалось бы, эпизод противостояния *народа и власти* осмысливается поэтом как явление глобальное. Весь мир предстает окрашенным в цвета огня и крови: «Плаха алым залита и поката. Море Белое красно от заката. Шелка алого рубаха у ката, И рукав ее по локоть закатан». Отметим, что бунты разного времени имеют у поэта цвет *огненный и кровавый*.

Отношение поэта к бунтам — и бунтарям — неоднозначно. С одной стороны, бунты объяснимы и в какой-то мере оправданы. Так, народу есть за что «рассчитываться с барамми»; декабристы и народовольцы руководствуются благими намерениями, ставят перед собой возвышенные цели; участники Гражданской войны, воюя друг с другом, действуют, по их мнению, на благо России. Образы многих бунтарей получают в текстах поэта положительную оценку, обычно сопровождающуюся выражением сочувствия побежденным (образ бунтаря победившего для поэта не характерен). Таковы, например, декабристы («Иван Пущин и Матвей Муравьев», «Петровский Завод», «Кюхельбекер» и др.). Подобное отношение к герою ярко обозначено в «Рылееве»: «Это обручальное кольцо, Снятое с казненного Рылеева, Словно смерти брошено в лицо, Затянувшей узел на петле его. Бьют часы над невскою водой. Не на что надеяться и сетовать. Стрингуляционной бороздой Шея перечеркнута поэтава». Сочувствует поэт и другим бунтарям — юным «цареубийцам из домов приличных», но не оправдывает их действий. В «Ах, зачем вы убили...» поэт обращается к народовольцам, осуществившим покушение на Александра II: «Не сумели понять вы Народа и Воли. Он в подобной заботе Нуждался едва ли, — Вас и на эшафоте мужики проклинали». Убийство царя во многом предопределило, по Городничскому, дальнейшие мрачные события русской истории: «Как пошло, так и вышло: Неустройства и войны, Пулеметные вышки И крики конвойных...». Двойственность отношения поэта к бунту находит отражение и в «неисторических» произведениях поэта — например, в текстах, содержащих размышления автора о поэзии и поэтах. Образ юродивого, который, «непримиримой правдою горя», бросает обвинения царю («Шалея от отчаянного страха...»), в определенном смысле положителен. Вместе с тем протест ради протеста бесплоден, что верно как для поэзии, так и для исторического процесса. Бунты рассматриваются поэтом в качестве одной из важнейших причин, приводящих к трагедии государства, народа и отдельных его представителей.

Постоянный в творчестве Городничского образ гибнущего государства реализуется в нескольких образных соответствиях. Такое государство «гибнет...как роца от лихого топора» («Российский бунт»), распадается, «как, казалось бы, незыблемые скалы» («Землетрясение»), «рассыпается, как стог» («Цитируя классиков»). Распад СССР представлен в «Стервятника на знамени взъерошенные перья...» как разрушение некоей сферы: «Вздувается пространство, и лопается шарик, Одну шестую суши ему не удержать...В просторах необъятного недавнего Союза, Где трещина сквозная бежит наискосок, Не соберешь обратно разбитого арбуза, Ладони окуная в багряный этот сок». Данные сопоставления содержат информацию о глобальности этого процесса (сравнимого с разрушением земного шара) и его болезненности («багряный сок», ассоциирующийся с кровью). Чаще всего гибнущее государство изображается в виде терпящего крушение корабля («Цусима», «Имперских дух в себе я не осилю...», «Подполковник Трубятчинский», «Памяти подводной лодки «Курск» и др.).

Одним из важнейших объектов внимания А. Городничского является судьба русского народа, прослеживаемая автором на протяжении многих веков и представленная в его произведениях столь же драматичной, как и судьба России в

целом. Народ может оказаться «виновником» государственных потрясений (мятежи), но чаще изображается поэтом как жертва государства — в разные периоды его существования. Так, в «Петровских войнах» отношение страны к воюющим за нее «ярославским мужикам» определено следующим образом: «...из их последней силы Она цедила кровь и пот, На дыбу вздергивала круто, На мертвых не держала зла...» (ПА, 202). В «Меншикове», «Гемофилии», «Перезахоронении» и многих других выведены образы безымянных загубленных душ — и таких же безымянных захоронений. Данные образы играют особо важную роль в произведениях Городницкого, объединенных темой сталинизма.

Для Городницкого значима мысль Н. М. Карамзина, высказанная им в связи с оценкой личности Ивана Грозного — «История злопамятнее народа» [5, с. 645]. В стихотворении «Как прежде, незлопамятен народ...» поэт распространяет суждение Карамзина на историю народа со времен стрелецких бунтов до XX века, когда «тоска по сильной власти Уже по кругу нас уводит вспять», приходя к выводу о пагубности «незлопамятности»: «Бесцелен этот путь, несметны беды».

Печатью трагичности отмечены у Городницкого и образы вершителей судеб народа. Это, например, Петр I, который уже за линией смерти осознает, что «Империи татарскую судьбу Не выстроишь из финского гранита» («Санкт-Петербурга каменный порог...»); Петр III, охарактеризованный В. О. Ключевским как «самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета» [6; 227], а Городницким — как «одинокий и хлипкий» неудачливый правитель («Петр Третий»); убитый народовольцами Александр II («Ах, зачем вы убили...»); умирающий Ленин («Горки») и др.

Яркая особенность Городницкого как поэта-историка состоит в приближении минувшего к настоящему. Петр I ассоциируется с «блокадным ленинградцем» и «бритоголовым зэка» («Памятник Петру Первому»); кровь расстрелянного царевича Алексея проступает из-под земли спустя десятилетия после его убийства («Гемофилия»); «Свет пожара и пролитой крови», пылающий «на досках суровых» русских церквей, напоминает как о временах Бориса и Глеба, так и о недавнем прошлом — с разрушением храмов и массовыми убийствами («Русская церковь»). Библейское выражение «ветер возвращается на круги своя» в стихотворении «Вчерашние гири положены вновь на весы...» используется Городницким для характеристики русской истории: «Торгуют офени у запертых Спасских ворот, По радио тенор гундосит про белые снега, И все повториться должно — Синеус, печенеги, Татарщина, Смута, — на новый идя поворот».

Литературные произведения на историческую тему зачастую оцениваются историками с изрядной долей скепсиса, что едва ли не в первую очередь обусловлено «субъективностью» словесного искусства, отличающей его от «объективной» науки. Г. П. Макогоненко в качестве одной из причин неоднозначности оценок «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина называет «забвение той истины, что история много веков была искусством, а не наукой» [7; 7]. Н. Эйдельман отмечает, что поэзия, которая «пропускает через поэтическую личность любой век и тысячелетие, ...не уступит почтенной науке в добывании истины» [8; 6]. «Истина — всегда понятие относительное, — пишет во введении к учебнику «История Отечества» В. Н. Шевелев, — и объективность в науке — это просто больше знаний о предмете» [9; 8]. Исторической науке в плане объективности приходится едва ли не сложнее других; неоднократные попытки «переосмыслить», «откорректировать» историю вызвали к жизни известное определение России как страны с непредсказуемым прошлым. В создании «истинной», не зависящей от политической конъюнктуры картины русской истории важную, на наш взгляд, роль играют поэты, подобные А. Городницкому, в творчестве которого объективность ученого сочетается с «высокой субъективностью» поэта.

ИСТОЧНИКИ

1. Городницкий А. М. Перелетные ангелы. Свердловск: Старт, 1991. 280 с.; Острова в океане. М.: МГЦ АП, 1991. 320 с.; Созвездие Рыбы. СПб.: Журнал «Нева». 1995. 150 с.; Ледяное стремя. СПб.: Журнал «Звезда». 1997. 160 с.; Стихи и песни. Избранное. М.: Лимбус Пресс, 1999. 624 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эйдельман Н. «В полет свой дальний...» // Городницкий А. Перелетные ангелы. Свердловск: Старт, 1991. С. 5-6.
2. Анненский Л. Шестидесятник в восьмидесятых // Городницкий А. М. Острова в океане. М.: МГЦ АП, 1991. С. 5-10.
3. Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 2004. 446 с.
4. Анненский Л. Горький дым // Анненский Л. Барды. М.: Согласие, 1999. С. 44-62.
5. Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1987. 766 с.
6. Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. 415 с.
7. Макогоненко Г. П. Древняя Россия, открытая Карамзиным // Карамзин Н. М. Предания веков. М.: Правда, 1987. С. 5-28.
8. Эйдельман Н. «В полет свой дальний...» // Городницкий А. Перелетные ангелы. Свердловск: Старт, 1991. С. 5-6.
9. История Отечества. Отв. ред. В. Н. Шевелев. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 2004. 608 с.

*Людмила Александровна ЛЕТАЕВА —
декан филологического факультета,
кандидат филологических наук, доцент*

УДК 821

**РУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ РУСИСТИКЕ**

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой краткий обзор некоторых публикаций, посвященных изучению особенностей русского национального характера и менталитета, которые в своей совокупности создают противоречивую картину, поскольку одни из них основаны на глубоком знании историко-политических, социально-экономических и лингвокультурных условий существования русского народа, другие — на фрагментарных сведениях о прошлом и настоящем России, третьи страдают субъективизмом и тенденциозностью. Автор подчеркивает, что данная проблема требует объективного осознания и оценки прежде всего со стороны самих русских.

The author surveys several works devoted to the study of Russian national character and mentality and concludes that these works can be grouped into three categories. The first group rests upon a thorough cultural, historical and linguistic study of Russian mentality, while the second one — upon fragmented sources about history and contemporary life of Russia. The third group offers subjective assessment of events.

Последнее десятилетие XX века характеризуется необычайным интересом представителей различных направлений гуманитарного знания к особенностям русского менталитета. Историки, философы, социологи, культурологи, психологи — каждый со своих позиций отдают приоритеты тем или иным качествам, свойствам русского менталитета, подводят под него соответствующую основу, подбирают исторический материал и выносят оценки. Национальные привычки, русский характер и самосозна-